

Иосиф Уткин

Повесть

О

Рыжем
Мотэле

ГОСПОДИНЕ
ИНСПЕКТОРЕ
РАВВИНЕ
ИСАИЕ

И
КОМИССАРЕ
ЕЛОК

YIVO

Institute for Jewish Research

יודישער וויסנשאַפֿטלעכער אינסטיטוט • י״ו״א

In Memory of
Herbert Offen

by
the Offen Family

YIVO Institute for Jewish Research

6 6000 00026484 7

068/299

1/18438

12

Иосиф Уткин

Повесть о

РЫЖЕМ МОТЕЛЕ,*господине инспекторе,*

РАВВИНЕ ИСАИЕ и

КОМИССАРЕ

Блох

ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ — 1933

118438
/118811/

П реплет и рисунки художника

М. ГОРШМАНА

ПОВЕЩАНИЕ
ВЪ РИЖЕ И
МОТЕЛЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
И ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ
КОМИССАРЕ

1933 — МОСКВА — ТРАКТИН — 1933

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДО БЕЗ ЦАРЯ И НЕМНОГО ПОСЛЕ

И дед и отец работали.
А чем он лучше других?
И маленький рыжий Мотэе
Работал
За двоих.

Чего хотел, не дали.
(Но мечты его с ним!)
Думал учиться в хедере',

¹ Школа.

А сделали—
Портным.
— Так что же?
Прикажете плакать?
Нет, так нет!
И он ставил десять заплаток
На один жилет.
И...
(Это, правда, давнее,
Но и о давнем
Не умолчишь)
По пятницам
Могале давал¹,
А по субботам
Ел финн².

¹ Молясал.

² Рыба.

Жили-были

Сколько домов пройдено,
Столько пройдено стран.
Каждый дом—своя родина,
Свой океан.

И под каждой слабенюкой
крышей,
Как она ни слаба,—
Свое счастье,
Свои мыши,
Своя судьба...

И редко,
Очень редко—
Две мыши
На одну щель!

Вот Мотале чинит жилетка,
А инспектор
Носит портфель.

И знает каждый по городу
Портняжью нужду одну.
А инспектор имеет:
Хорошую бороду
И хорошую
Жену.

По-разному счастье курится,
По-разному—
У разных мест:

Мотале мечтает о курице.
А инспектор
Курицу ест.

Счастье—оно игриво.
Жди и лови.
Бот: Мотале любит Риву,
Но... у Ривы
Отец—раввин.

А раввин говорит, часто
И всегда об одном:
—Ей надо
Большое счастье
И большой
Дом.

Так мало, что сердце вое,
Вое, как паровоз.
Если у Мотале все, что большое,
Так это только
Нос.

— Ну, что же?
Прикажете плакать?
Нет, так нет!

И он ставил заплату
И на брюки
И на жилет.
.....

Да, под каждой слабенюкой крышей,
Как она ни слаба,—

Свое счастье, свои мыши,
Своя
Судьба.

И сколько жизнь ни упряма,
Меньше, чем мало,—не дать.
И у Мотале
Была мама,
Еврейская старая мать.

Как у всех, конечно, любима.
(Э-э-э... об этом не говорят!)

Она хорошо
Варила цимес
И хорошо
Розала ребят.
И помнит он годового
И полугодовых...

Но Мотале жил в Кишиневе,
Где много городских,
Где много молебнов слето
По царской родовой,
Где жил... господни... инспектор
С красивой бородой...

Трудно сказать про омут,
А омут стоит
У рта:
Всего...
Два...
Погрома...
И Мотале стал
Сирота.

— Так что же?
Прикажете плакать?!
Нет, так нет!!

И он ставил заплату
Вместо брюк
На жилет.

.
А дни кто-то вез и вез.
И в небе
Без толку
Висели пуговики звезд
И лунная
Ермолка.

И в сонной, скудной тиши
Мыши пугали скрипом.
И кто-то
Шел
Кому-то
Тахрих¹.

¹ Саван.

«При чем» и «не при чем»

Этот день был таким новым,
Молодым, как заря!
Первый раз тогда в Кишиневе
Пели не про царя!

Таких дней немного,
А как тот—один.
Тогда не пришел в синагогу
Господин
Раввин.

Брюки,
Жилетки,
Смейтесь!
Радуйтесь дню моему:
Гос-по-дин по-лиц-мейстер
Сел

В тюрьму!
Ведь это же очень и очень,
Боже ты мой!

Но почему не хохочет
Господни
Городовой?

Редкое, мудрое слово
Сказал сапожник Илья:

— Мотале, тут не при чем
Егова,

А при чем—ты
И я.

.

И дни затараторили,
Как торговка Мад.
И евреи спорили:
«Да» или «нет»?
Так открыли многое
Мудрые слова.
Стала синагогою
Любая голова.
Прошлым мало в нынешнем:
Только вой да ной.

— «Нет» —
Инспектор решил.
— «Да» —
Сказал портной.

.
А дни кто-то вез и вез.
И в небе
Без толку
Висели пуговицы звезд
И лунная
Ермолка.

И в сонной, скупой тиши
Пес кроворотый лаял.
И кто-то
Крепко
Спал
Тахрихим
Николаю!

Этот день был
Таким новым,
Молодым, как заря!
Первый раз тогда в Кишиневе
Пели
Не про царя!

ГЛАВА ВТОРАЯ

КИШИНЕВСКИЕ ЧУДЕСА

Чудо первое

Мэд
На базаре
Волнуется.
И не Мэд,
Весь
Ряд:
На вокзал
По улице
Прошел
Отряд...
Но не к этому
Доводы,
Главное (чтоб он сдох!)—
В отряде

С могоендовидом¹
Мотыга
Блох!

Идет по главной улице,
Как генерал на парад.

И Мад на базаре волнуется,
И волнуется
Весь ряд.

¹ Иудейский символический
знак — шестиконечная звезда.

Чудо второе

Каждому, слава богу,
Каким аршином ни мерь—
Особая дорога,
Особая дверь.
И—так
Себе,
Понемногу,
В слякоть,
В снег
Идут особой дорогой
Люди весь век.

Радостный путь немногим.
Не всем,
Как компот:
Одни ломают ноги,
Другие—
Наоборот.
Вот!

Ветер гнусит у околицы,
Горю раввина вторит.
По Торе ¹
Раввин молится,
Гадает раввин
По Торе.
Трогает рыжие кончики
Выцветшего
Таласа ²:

— Скоро ли все это кончится?
Сколько еще осталось?
Тени свечей,
Проталкиваясь,

¹ Священное писание.

² Молитвенное одеяние.

Мутно расгут
И стынут.
И кажется
Катафалком
Комната над равнином.

— Это прямо наказание!
Вы слышали?
Хаим Вез

Делать сыну обрезанье
Отказался
Наотрез.

Первый случай в Кишиневе!
Что придумал, сукин сын?!
Говорит:
«До-воль-но кро-ви,
Ува-жае-мый рав-вин!!!»

Много дорог, много,
Столько же, сколько глаз!
И от нас
До бога,
Как от бога
До нас.

Еще о первом чуде

И куда они торопятся,
Эти странные часы?
Ой, как
Сердце в них колотится!
Ой, как косы их усы!
Ша!
За вами ведь не гонятся?
Так немножечко назад...
А часы вперед,
Как конница,
Все летят, летят, летят.

.

В очереди
Люди
Ахают,
Ахают и жмут:
— Почему
Не дают
Сахару?
Сахару почему не дают?

— Видимо,
Выдать
Лень ему.
— Трудно заняться час?

Такую бы жизнь—Ленину,
Хорошую,
Как у нас!
— Что вы стоите,
Сарра?
Что может дать
Слепой,
Когда
Комиссаром

Какой-то
Портной?
Ему бы чинить
Рубаху,
А он комиссаром
Тут!..

В очереди люди ахают,
Ахают
И жмут.

Чудо третье

Эти дни
Невозможно мудры,
Цадики¹, а не дни!
В серебро золотые кудлы
Обратили они.
Новости каждый месяц.
Шутка сказать:
Жена инспектора весит
Уже не семь,
А пять.

А Мотале?
Вы не смейтесь,
Тоже не пустяк:
Мотале выбрил пейсы,
Снял лапсердак.

Мотале весь перекроен
(Попробовал лучший сун!):
Мотале смотрит
«В корень»
И говорит:
«По су-ще-ству».

Новости каждый месяц.
Шутка сказать:
Жена инспектора весит
Уже не семь,
А пять!

И носик
Почти без пудры.
И глазки —

¹ Мудрецы, ученые.

Не огни...
Эти дни невозможно мудры,
Цадики, а не дни!

.

Много дорог, много,
А нехватает дорог.
И если здесь—
Слава богу,
То где-то—
Не дай бог.
— Ох!

... Ветерих за околицей,
Прислушиваясь, стих:
Инспектор не о себе молится,
Инспектор молится
О других.
Голос молитвы ровен.

Слово сменяется вздохом:
— Дай бог
Жене здоровья,
Дай бог
Хворобы Блоху...
Дай бог то и это
(Многое дай бог, понятно!),
Дай бог сгореть советам,
Провалиться депутатам...
Зиму смени
На лето,
Выпрями то,
Что смято...
Дай бог и то и это,
Многое дай бог, понятно

Чудо некииниевского масштаба

Слишком шумный и слишком скорый
Этих лет многогамный гвалт.
Ой, не знала, должно быть, Тора,
И равнин, должно быть, не знал!
Кто подумал бы,
Кто бы поверил,
Кто поверить бы этому мог?
Перепутались
Мыши, двери,
Перепутались
Нитки дорог.

В сотый век—
И конечно не чаще
(Это видел едва ли Ной!)—
По-португальскому
Робкое счастье
И, как счастье,
Неробок портной.

Многогамный, премудрый гомон!..
Разве думал инспектор Бобров,
Что когда-нибудь
Без погромов
Проблаженствует Кишинев?!

Кто подумал бы,
Кто бы поверил,
Кто поверить бы этому мог?
Перепутались
Мыши, двери,
Перепутались
Нитки дорог.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НОВОЕ ВРЕМЯ—НОВЫЕ ПЕСНИ

Синагогальная

В синагоге—
Шум и гам,
Гам и шум!
Все евреи по углам:
«Ш-ш!»
«Ш-шу!»

Выступает
Рэб Абрум.
В синагоге—
Гам и шум,
Гвалт!

.

Рэб Абрум сказал:
— Бо-же мой!

Евреи сказали:
— Беда!

Рэб Абрум сказал:
— До-жи-ли!

Евреи сказали:
— Да.

А раввин сидел
И охал
Тихо, скромно,
А потом сказал:
— Шо-ха!
Сказал и вспомнил
Баоха.

Почти свадебная

Лебедю в осень снится
Зелень озерных мест;
Тот, кто попробовал птицы,
Мясо не очень ест.
Мудрый раввин Псайя—
Так мудр!
Так мудр!
Почти
Наизусть знает
Почти
Весь Талмуд.
Но выглядит все-таки плохо:
Щукой на мели...
— Мне к комиссару Блоху...
Его провели.

Надо куда-то деться:
— К чорту!
— К небесам!

— До вас небольшое дельце,
Товарищ комиссар.
У каждого еврея
Должны дочери быть.
И каждому еврею
Надо скорее
Дочерей сбить...

Вы—мужчина красивый,
Скажите:
Зять, как зять.
Так почему моей Ривы
Вам бы
Не взять?
Отцу хвалить не годится,
Но, другим не в укор,

Скажу:
Моя девица—
Девица до сих пор.

Белая, белая сажика!
Майский мороз!
Раввину уж кажется,
Что у Блоха...
Короче нос?!

Песня «текущих дел»

И куда они торопятся,
Эти странные часы?
Ой, как сердце в них колотится!
Ой, как носы их усы!
Ша!
За вами ведь не гонятся?
Так немножечко назад...
А часы вперед, как конница,
Все летят.

.....

Этот день был
Небесным громом,
Сотрясением твердьми!
Мад видала,
Как вышел из дому
Инспектор—без бороды?!
— Выбрился,
Честное слово!
Тысяча слов!
И ахал в Кишиневе
Весь Кишинев.

.....

И собаки умеют плакать,
Плакать, как плачем мы.
Ну, попробуйте, скажем, лапу
Ударить, ущемить?

Да, бывает—
Собака плачет,
А что же тогда человек?
И много текло горячих,
Горьких, соленых рек.

Слезы не в пользу глазу.

И человек сказал:
— Н-ну!
Так инспектор потерял сразу
И бороду
И жену.

Хоть жену не совсем утратил,
Но курица стала не та.
Ну, скажем,
Стала его Катя
Курица без хвоста.
— Счастье—оно игриво.
Счастье—сумасброд.
И ждал он терпеливо:
— Наверно, назад придет.

Но... на морозе голого
Долго не греет дым...

И он опустил голову,
Голову без бороды.

Так, окончательно сломан,
Робок, как никогда,
Инспектор
Пришел к портному,
Чтобы сказать
«Да».

.....

Маленький, жиденький столик.
(Ножка когда-то была.)
Инспектор сидит и колот
«Текущие дела».

Путь секретарский тяжок:
Сколько серьезных слов!
Столько се-р-ьез-ных бу-ма-жек!

И на каждой: «Блох», «Бобров».

Жутко: контроль на контроле.

Комиссия вот была...

Инспектор сидит и колет

«Текущие дела».

И... он мечтает—не больше

(Что же осталось ему?),

Как бы попасть

В Польшу

И не попасть

В тюрьму...

В общем фокусе

Что значит:
Хочет человек?
Как будто дело в человеке!
Мы все, конечно, целый век
Желаем
Золотые реки.
Все ждем сахар, так сказать,
А получается иначе;
Да, если хочешь
Хохотать,
То непременно
Плачешь.

Но дайте жизни...
Новый век...

Иной уют,
Иная крыша,
И тот же самый человек
Вам будет
На голову выше.

Для птицы главное—гнездо.
Под солнцем всякий угол светел.
Вот Могале—
Он «от» и «до»
Сидит в сердитом
Кабинете.
Сидит как первый человек.
И «нет, так нет»
Здесь не услышишь.
В чем фокус? Тайна?..
Новый век.
Иной уют,
Иная крыша...

О-о-о, время!
Плохо... Хорошо...
Оно и так
И этак вертит.
И если новым
Срок пришел,
То, значит, старым—
Время смерти!

Погребальная

Комната... тихо... пыльно.

Комната... вечер... синь.

Динькает

Будильник:

День...

День...

День...

Час кончины—

Он приходит

Тихо-тихо,

Не услышишь.

И уходит молча счастье,

И уходят

Мыши.

Только горе неизменно.

Заржавел пасхальный чайник!

И задумаются стены.
И—
Молчанье.
Он заснежит, он завьюжит
В полночь, ветер белоруский...
И совсем теперь не нужен
Ни Талмуд,
Ни брюки.

Тихо.
Сумрак нависает.
Не молитва
И не ужин...
Пусть по-новому, Исайя,
Стол тебе послужит.
А потом—к иному краю
В рай, конечно, не иначе...

Тихо!
Свечи догорают.
Тихо.
Сарра плачет...

О-о-о, время!
«Плохо»... «Хорошо»...
Оно и так
И этак вертит,
И если новым
Срок пришел,
То, значит, старым—
Время смерти...
Да, если новым срок пришел,
То, значит, старым—
Фёртиг'...

¹ Готено, немел.

Послесловие

До Кракова—
Ровно сорок
И до Варшавы—
Сорок.
Но лучше, чем всякий город,
Свой, родной город.
Разве дворцом сломите
Маленькие, заплатанные,
Знаете, домики,
Где смелись и плакали?
Вот вам
И меньше и больше.
Каждому свой Мессия!
Инспектору
Нужно Польшу,
Портному—
Россия.

Сколько с ней было пройдено,
Будет еще пройдено!
Милая, светлая родина,
Свободная родина!
Золото хуже меди,
Если рукам верите...
И Мотале
Не уедет
И даже
В Америку.
Не-ет, он шагал недаром
В ногу с тревожным веком.
И пусть он—не комиссаром,
Достаточно—
Че-ло-ве-ком!
Можно и без галона
К месту приехать:

И Мотэде будет штопать
Наши прорехи.

Милая, светлая родина,
Свободная родина!
Сколько с ней было пройдено,
Будет еще пройдено!!!

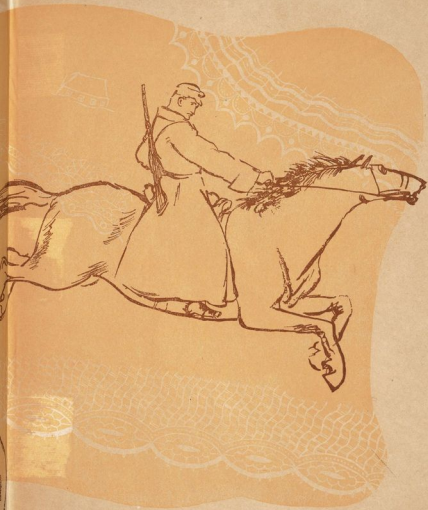
1934—1935

Москва—Иркутск

Ред. Н. Родзевич. Техредактор А. Новикова.
Художественный редактор С. Тельянигер. Сало
в производстве 28/IX—22 г. Подписано к печати
22/XII—22 г. МГ—3752. Изд. Д-4. Формат
82x110 1/16 л. 1/4 печ. л. 2,37 арт. Уполном.
Главная Б-34546, Тираж 18000. Зак. тип. 2128.
5-я тип. Трансгелерродата, Москва, Кавказ.
черский тип, 2/2.

Цена 1 р. 50 к.
переплет 80 к.

СОРТ 2

ОГИЗ - МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ - 1934